

Счастье как потребность, ценность и индикатор эффективности социальной политики государства

*Тимофеева Галина Владимировна
д.э.н., профессор
Волгоградский государственный университет
Институт мировой экономики и финансов (г. Волгоград, Россия)*

Аннотация

Современная государственная социальная политика характеризуется комплексом мер, направленных на поддержку социального развития и сокращение отрицательных внешних эффектов рыночной экономики. Однако, несмотря на значительные достижения социальной политики во многих странах мира, ее влияние на счастье людей все еще остается дискуссионным. В исследовании проверяются гипотезы: (1) эффективная государственная социальная политика обеспечивает счастье, и (2) оцененное счастье может служить индикатором эффективности политики. С этой целью рассматриваются условия трансформации потребности в счастье в ценность для человека, анализируются взаимосвязи между Индексом человеческого развития (HDI), Планетарным индексом счастья (HPI), ВВП на душу населения, долей общественных социальных расходов и правительственной эффективностью. Результаты анализа позволили систематизировать экономики разных стран мира по критериям эффективности социальной политики и уровню оцененного Планетарным индексом счастья. Было установлено существование определенного оптимума благосостояния и общественных социальных расходов, которые целесообразно учитывать при проведении эффективной социальной политики.

Ключевые слова: государственная социальная политика, счастье, потребность в счастье, эффективность социальной политики

JEL коды: H 530, Z 130, I 380

Устойчивый интерес к проблеме счастья в последние годы объясняется, как потребностью исследовать содержание этого социального феномена и найти адекватные способы его измерения, так и необходимостью оценки благополучия и благосостояния общества и мер социально-экономической политики, направленных на достижение социального прогресса. Как отмечается в Стратегии-2020: «В конечном счете, целью государственной социально-экономической политики является повышение благосостояния ... Франция, несколько развивающихся стран, а совсем недавно – и Великобритания пытаются инкорпорировать показатели удовлетворенности жизнью в основные механизмы экономической политики, в критерии оценки работы государственного аппарата...» [1].

Это во многом связано с усилением акцента на благополучную жизнь людей, а также с тем, что применяемый показатель валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения представляет собой во многом несовершенную меру измерения совокупного благосостояния и жизненного уровня. Еще менее он подходит для того, чтобы оценить социальный прогресс. По общему признанию, между субъективным благосостоянием и ВВП на душу населения существует положительная корреляция [9, 1–9]. Однако было бы упрощением ограничить оценку благосостояния только ВВП на душу населения. Многие параметры благосостояния выходят за пределы ВВП, прежде всего, потому, что они являются неэкономическими.

Данное ограничение в определенной степени снимается понятием «качество жизни», которое определяется на основе *объективистского* и *субъективистского* подходов. Первый акцентирует внимание на реальных условиях существования человека и обстоятельствах его жизни: общественно-экономических, естественно-географических и т. д. Второй фиксирует субъективную оценку качества жизни, которая формируются под воздействием ряда параметров, отражающих опыт общения и профессиональной деятельности, эмоциональные переживания достигнутых результатов, социальных позиций, степени удовлетворения индивидуальных потребностей и т.д. Таким образом, мы получаем разностороннюю характеристику положения человека в обществе, отражающую полноту его бытия. Обобщенно всё это может быть представлено в понятии «счастье» как «субъективном удовольствии от жизни в целом», [которое мы разделяем](#) [14, 12].

Чтобы конкретизировать общее определение счастья как субъективное удовольствие от жизни в целом, рассмотрим его в системе мотивов человеческой деятельности – «потребности – интересы – ценности» – как *неутилитарную потребность*. Существующее многообразие подходов к определению утилитарных и неутилитарных потребностей в социологии, философии, психологии, эстетике свидетельствует о дискусионности такой классификации. В данном исследовании мы исходим из того, что непосредственной целью удовлетворения *утилитарных потребностей* выступает материальная польза и выгода, а *неутилитарных потребностей* – *иные (социальные, духовные) цели деятельности*. При этом соотношение утилитарных и неутилитарных потребностей *подобно* соотношению потребностей в пирамиде Маслоу: только после удовлетворения утилитарных потребностей возможно удовлетворение неутилитарных.

Реализация потребности в счастье предполагает, во-первых, осознание рамочных условий, ограничивающих пространство активности человека и направляющих её в определенное русло, которые выражаются комплексом различных потребностей (в общении, внимании, признании, самореализации, творчестве, безопасности и т. п.). Во-вторых, реализация потребности в счастье предполагает свободный выбор приоритетов в заданном «коридоре» конкретных нужд, которые в совокупности формируют понимание счастья. Осознание стремления к счастью превращает потребность в систему интересов и связанных с ними целей, а выбор приоритетов из их совокупности превращает его в ценность, которая служит одновременно и мотивом, и ориентиром деятельности.

Переживание полноты удовлетворения комплекса неутилитарных потребностей личности (в реализации жизненных планов и перспектив, комфортном социальном окружении, разнообразии сфер деятельности и коммуникаций) *можно рассматривать как достижение ею счастья в качестве ценностно-целевого идеала*.

Многогранность понимания «счастья» и многоступенчатость его оценки определяет сложность операционализации этого понятия и необходимость использования для согласования оценок и проверки корректности как количественных, так и качественных методов исследования (глубинные интервью, фокус группы). Достижение консенсуса в описании параметров счастья, возможно, на наш взгляд, прежде всего, в малых группах, хотя не исключена и экстраполяция оценок локальных сообществ на большие массивы респондентов.

Тем не менее, несмотря на сложность «измерения» счастья, в последние годы была проделана значительная эмпирическая работа, которая основана на представительных, крупномасштабных выборках оценок людьми их жизненного удовлетворения. Например, в Мировом Обзоре «World Values Survey» представлены результаты оценки качества жизни по 80 странам, что составляет более чем 80% населения в мире за длительный период времени (так, по 24 странам представлены данные об изменении уровня счастья с 1946 г.) [5]. Такие отчеты об уровне удовлетворения жизнью до настоящего времени являются лучшим эмпирическим приближением к оценке счастья.

Постепенное осознание возможности измерения счастья привело к новым идеям в экономике и других общественных науках: например, идея разработки Национального Индикатора Счастья, связанного с Валовым национальным доходом, для правительств, которые стремятся максимизировать Национальное Счастье. Так, Королевство Бутан в начале нового столетия объявило, что хотело бы максимизировать Валовое Национальное Счастье, а не Валовой Национальный доход [3; 7, 429–434].

Но более заслуживающей исследования и оценки является, на наш взгляд, идея измерения счастья с целью его максимизации как функции общественного благосостояния, используя для этого инструменты государственной социальной политики. Вопрос состоит в том, является ли идея максимизации (измеренного) счастья продуктивной, способствующей выработке эффективной политической стратегии и тактики?

Чтобы ответить на этот вопрос нами были рассмотрены зависимости между индикаторами, которые используются для оценки благосостояния и экономического роста (ВВП на душу населения), социального прогресса (Индекс человеческого развития – HDI), уровня удовлетворенности жизнью (Планетарный индекс счастья - HPI), эффективности политики (социальные расходы и Индекс правительственной эффективности). Для анализа использованы данные Отчета о развитии человека (Human Development Report data), данные OECD, Планетарного индекса счастья (Happy Planet Index Calculations), который рассчитывается Новым экономическим Фондом (New Economic Foundation) и оценки Всемирного банка по 120 странам за 2009–2012 гг.

На протяжении полувека во многих странах доминировала идея социального прогресса, который базируется, главным образом, на экономическом росте. И для его оценки использовался показатель ВВП на душу населения, предложенный экспертами ООН в 1947 г. Однако в конце XX в. эта идея была подвергнута сомнению, поскольку

экономический рост не мог выступать самоцелью, а его индикаторы служить базовыми критериями социального прогресса. В результате, в 1987 г. была выдвинута альтернативная концепция, основанная на принципах человеческого развития, согласно которой конечной целью развития должно быть повышение качества жизни людей: «Настоящее богатство нации – это ее люди. Цель развития состоит в том, чтобы создать благоприятную для долгой, здоровой и творческой жизни людей среду» [6, 19]. Концепция человеческого развития получила признание среди мировой общественности и послужила теоретическим обоснованием применения Индекса человеческого развития (HDI), который позволяет оценивать социальный прогресс и степень влияния различных его компонентов, а Программа развития ООН (ПРООН), начиная с 1990 г. стала публиковать всемирные Доклады о человеческом развитии.

В начале XXI в. пришло осознание необходимости совершенствования подхода, основанного на принципах человеческого развития [4, 809–827], поскольку в нем не принимались во внимание социокультурные и экологические факторы, которые также влияют на социальный прогресс и определяют благосостояние населения и жизненное удовлетворение. По этой причине в 2006 г. было предложено использование подхода, основанного на определении НРІ при исследовании социального прогресса и анализе государственной социальной политики. Социальный прогресс рассматривался здесь уже с позиции долгосрочного благосостояния населения при оптимальном уровне потребления природных ресурсов. Кроме того, подобные исследования позволили определять перспективные направления социальной политики, которая «приведет к экономическому подъему и росту занятости – в ближайшей перспективе, к безопасности и технологическим инновациям – в среднесрочном периоде, и к устойчивому развитию – в долгосрочном» [11, 9].

Данная идея подтверждается сопоставлением показателей ВВП на душу населения и Планетарного индекса счастья (НРІ) (рис. 1).

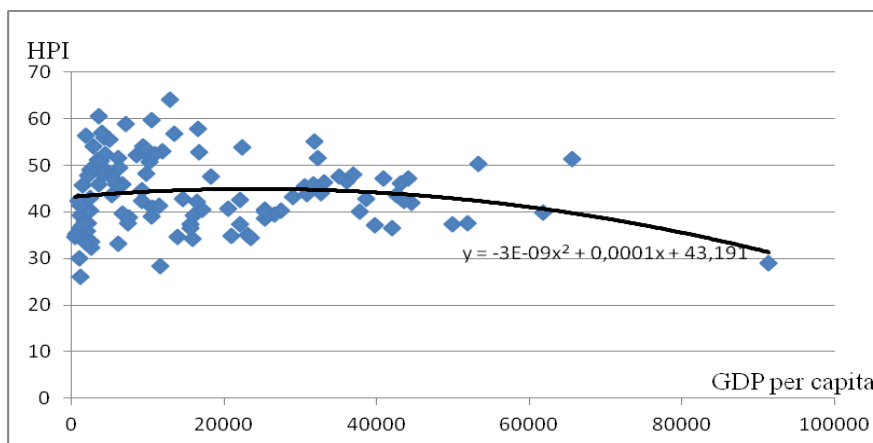

Рис. 1. Зависимость между Планетарным индексом счастья (NPI) и ВВП на душу населения (GDP per capita) (по паритету покупательной способности) (2009, 2012 гг.) [1; 15; 16]

Полиномиальная линия тренда показывает, что NPI повышается в интервале ВВП [0; 20000] и затем, после достижения уровня ВВП в 20 тыс. долларов США, начинает уменьшаться. Дальнейший рост показателя ВВП на душу населения связан со снижением Индекса счастья, что позволяет предположить существование предела влияния экономических факторов на рост жизненного удовлетворения.

Если посмотреть на соотношение между HDI и NPI (рис. 2), то очевидно, что имеет место прямая зависимость - рост HDI сопровождается повышением NPI.

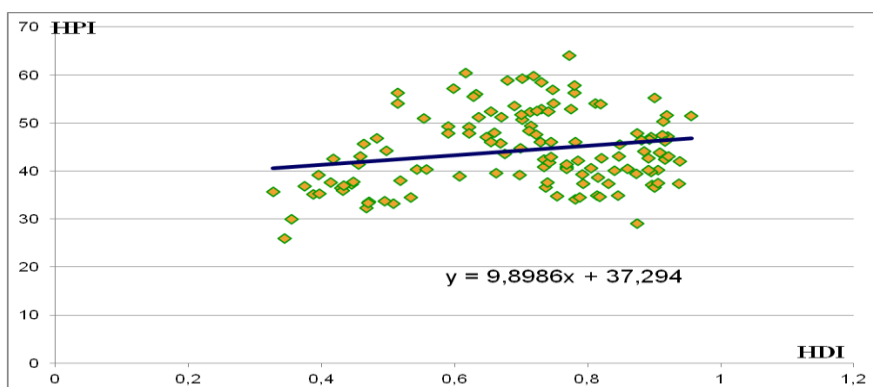

Рис. 2. Зависимость между Индексом человеческого развития (HDI) и Планетарным индексом счастья (NPI) (2012 г.) [13; 15]

Это во многом объясняется тем, что Индекс человеческого развития, наряду с экономическим компонентом благосостояния, измеряемым Валовым национальным доходом (GNI) на душу населения, учитывает в качестве социальных компонент образование и здоровье.

Для того, что посмотреть, как соотносятся эти индикаторы с мерами и эффективностью социальной политики, мы вначале рассмотрели зависимость между долей социальных расходов в ВВП и HDI как показателем *результативности* этих расходов (рис. 3).

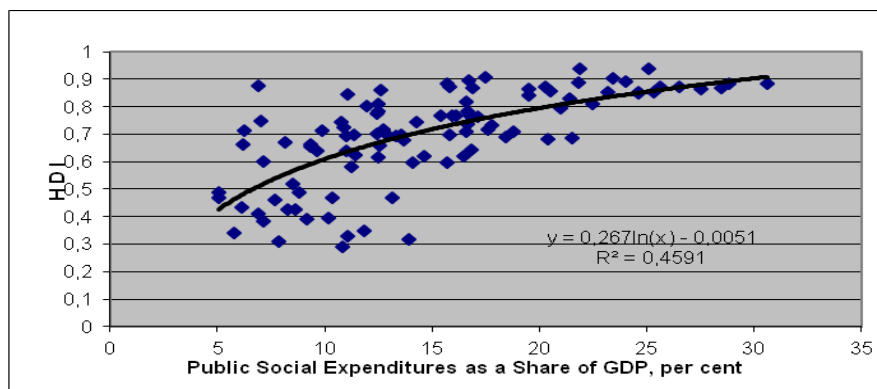

Рис. 3. Корреляция между Индексом человеческого развития (HDI) и долей общественных социальных расходов в ВВП (2011) (Public Social Expenditures as a Share of GDP) (%) [10; 12; 16]

Как видно, общая тенденция такова, что с ростом доли общественных социальных расходов в ВВП наблюдается увеличение HDI, который характеризует качество жизни в целом. Примечательно, что диапазон, в котором изменяется доля общественных социальных расходов в ВВП, составляет 5–30 %. Затем, чтобы рассмотреть влияние эффективности политики правительства на субъективную удовлетворенность жизнью, нами была исследована взаимосвязь между НРІ и индикатором правительственной эффективности. На первый взгляд, очевидной корреляции между данными индикаторами не выявлено. Однако если в анализ ввести демографический фактор, то прямая корреляция становится очевидной: миллиарды (!) людей в странах, не входящих в ОЭСР, (например, Китай и Индия), и имеющих низкую эффективность деятельности правительства, к сожалению, *несчастливы*. Если посмотреть на рис. 4, то можно заметить, что линия тренда делит экономические системы на 4 группы:

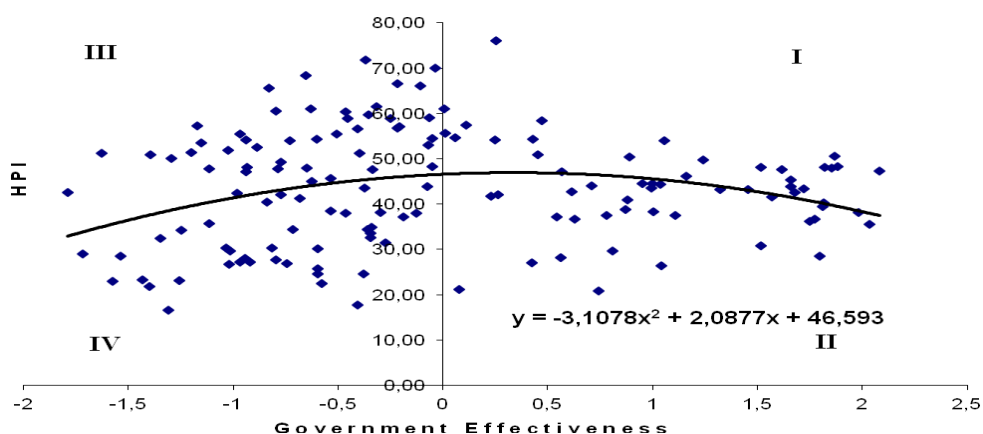

Рис. 4. Зависимость между Планетарным Индексом счастья (НРІ) и Правительственной эффективностью (Government Effectiveness) [1; 8; 15]

в *первой* – эффективная политика сочетается с высоким уровнем удовлетворения жизнью (правый верхний сектор),

во *второй* – эффективной политике соответствует уровень удовлетворения жизнью ниже среднего (правый нижний сектор),

в *третьей* группе – неэффективная политика соответствует индексу счастья выше среднего уровня (левый верхний сектор),

и в *четвертой* – неэффективной политике соответствует уровень удовлетворения жизнью ниже среднего (левый нижний сектор).

Примечательно, что во втором секторе сконцентрировано большинство стран-членов ОЭСР, включая США, Канаду, Японию, Новую Зеландию, Данию и Люксембург. Россия с координатами (34,5; - 0,3), находится в четвертом секторе.

Наибольший интерес вызывает третий сектор, отражающий сочетание неэффективной политики с индексом счастья выше среднего уровня. Его существование позволяет сделать следующие заключения, что (а) между правительственной эффективностью, включающей эффективность социальной политики, и счастьем, измеренным через НРІ, отсутствует строгая связь; (б) феномен данной группы служит дополнительным аргументом перспективности подхода, основанного на определении НРІ, который учитывает влияние институциональных, социокультурных и экологических факторов на жизненное удовлетворение.

Графическое представление секторов «эффективности счастья» дает возможность выдвинуть гипотезу о существовании определенного оптимального уровня политической эффективности в диапазоне [0; 0,5], в котором максимизируется жизненное удовлетворение.

Итак, исследование позволило сделать следующие выводы.

1) Идея максимизации совокупного счастья как функции общественного благосостояния сомнительна по нескольким обстоятельствам.

Во-первых, правительства, которые по вполне прагматическим причинам не склонны игнорировать достижение благосостояния большинством общества, не всегда состоят из нравственных альтруистов, желающих сделать население максимально счастливым. Более того, личные интересы политиков также имеют значение.

Во-вторых, у правительств есть стимул управлять индикаторами счастья: создавать новые, в том числе квазииндикаторы, которые бы удовлетворяли их целям.

В-третьих, население по ряду причин может быть привержено искаженным (завышенным или заниженным) критериям оценки собственного счастья.

Наконец, остаются проблемы определения объективных индикаторов для оценки полноты индивидуального и социального бытия как счастья и возможностей их межличностного и межгруппового сравнения, которые пока не могут быть обоснованно разрешены.

2) Высказанные доводы не следует рассматривать как аргументы против исследования счастья. Речь идет о том, что измерение счастья не должно сводиться к получению одного универсального совокупного индикатора. Конструктивное решение предполагает поиск различных индикаторов, позволяющих проникать в суть многих аспектов ощущения полноты бытия и самореализации личности, значимых в конкретных обществах.

3) В этом плане, перспективным направлением исследования, по нашему мнению, является ценностный подход. Он должен быть направлен на выявление связи утилитарных потребностей, традиционно хорошо исследованных и находящихся в поле зрения экономистов, с неутилитарными: например, связи удовлетворения потребности в обладании (доступе) определенными материальными благами и потребностей в общении, повышении своего социального статуса, в публичном признании.

Второе направление развития ценностного подхода заключается в поиске индикаторов, описывающих не просто полноту человеческого бытия, а те элементы, которые являются инвариантными, общезначимыми для различных обществ и культур, находящихся на одной ступени экономического и цивилизационного развития. В качестве таких элементов можно предложить анализ степени: реализации жизненных планов (включающих: карьерный рост, привлекательность сферы деятельности, устойчивость брака, культурное развитие и т.д.); адекватности социального окружения и разнообразия коммуникаций; наличия/отсутствия стабильного дохода.

Литература

1. Стратегия 2020: Новая модель роста – новая социальная политика: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. // <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>.
2. Abdallah S., Thompson S., Michaelson J., Marks N., and Steuer N. The (un)Happy Planet Index 2.0. Why good lives don't have to cost the Earth. London: NEF, 2009.
3. Diener E. Guidelines for National Indicators of Subjective Well-Being and Ill-Being. Mimeo, University of Illinois at Urbana Champaign, 2005.

4. Di Tella R., MacCulloch R. J., and Oswald A. J. The Macroeconomics of Happiness. *Review of Economics and Statistics*, vol. 85, no. 4, November 2003.
5. Frey B.S., Stutzer A. Should National Happiness Be Maximized? Institute for Empirical Research in Economics University of Zurich, 2007. Working Paper No. 306.
6. Human Development Report 1990. Published for the United Nations Development Programme (UNDP). New York, Oxford. Oxford University Press, 1990.
7. Kahneman D., Krueger A. B., Schkade D. A., Schwarz N., and Stone A. A. Toward National Well-Being Accounts. *American Economic Review*, vol. 94, issue 2, May 2004.
8. Kaufmann D., Kraay A., and Mastruzzi M. The Worldwide Governance Indicators: A Summary of Methodology, Data and Analytical Issues. World Bank Policy Research, 2010
9. Measuring economic performance and social progress: the findings of the Stiglitz-Sen-Fitoussi Commission, *Trésor-Economics*, no. 67, December 2009.
10. OECD Factbook 2013: Economic, Environmental and Social Statistics. Paris: OECD, 2013.
11. Prosperity Without Growth? The Transition to a Sustainable Economy. Sustainable Development Commission Report, 2009.
12. Scully G.W. National Center for Policy Analysis Report no. 232, Dallas: NCPA, 2000.
13. United Nations, Human Development Report 2012: The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development. Palgrave Macmillan, New York, 2012.
14. Veenhoven R. Conditions of Happiness. Kluwer Academic, Dordrecht, Boston, 1984.
15. <http://www.happyplanetindex.org/data>.
16. <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>.

Happiness as requirement, value and indicator of the state social policy efficiency

*Galina Timofeyeva
Ph.D., Professor
Volgograd State University
Institute of World Economy and Finance
(Volgograd, Russia)*

Abstract

Modern state social policy is characterized by the set of measures, directed on supporting social development and reducing of the negative effects of market economy. However, despite considerable achievements of social policy in many countries of the world, its influence on people`s happiness is still debatable. The research tests the hypotheses (i) if effective state social policy warranties happiness, (ii) if estimated happiness may serve an indicator of policy effectiveness. For this purpose I consider the conditions for transformation of the need for happiness in a value for the person, analyzing interrelations among the Human Development Index (HDI), the Planetary Index of Happiness (HPI), gross domestic product per capita, a share of public social expenditures and governmental effectiveness. The results allow systematize economic structures of the different countries of the world by criteria of social policy efficiency and the estimated level of HPI. I establish the existence of a certain optimum of welfare and public social expenditure which should be incorporated into an effective social policy.

Key words: state social policy, happiness, need for happiness, efficiency of social policy

JEL codes: H 530, Z 130, I 380